

Леонид Видгоф
Ахтимнеево
и окрестности

Леонид Видгоф

Ахтимнеево и окрестности

Москва

«Воймега»

2016

УДК 821.161.1-1 Видгоф
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
В42

Художник серии: Сергей Труханов

Л. Видгоф

В42 Ахтимнеево и окрестности. — М.: Воймега, 2016. — 124 с.

ISBN 978-5-7640-0195-1

© Л. Видгоф, текст, 2016
© С. Труханов, оформление, 2016
© «Воймега», 2016

Шестидесятые —
семидесятые

Лицо

В любой из армий мира
меня оденут в общую форму —
чтобы я не выделялся одеждой
из тысяч других,
пригнанных насильно, как и я;

в любой из армий мира
меня научат деревянному строевому шагу —
чтобы я не выделялся походкой
из тысяч других,
пригнанных насильно, как и я;

в любой из армий мира
мне в голову вобьют
общие (по уставу) выражения и обращения,
чтобы я не выделялся речью
из тысяч других,
пригнанных насильно, как и я;

но ни в одной из армий мира
не смогут переделать моё лицо
(такое бесполезное в армии),
чтобы оно не выделялось
из тысяч других лиц,
таких же необщих, как и моё.

Моё лицо можно уничтожить,
но нельзя сделать
не моим лицом.

И это моё незащищённое лицо
поэтому сильнее всех армий мира.

Байрон

Liberté, Egalité, Fraternité ou la Mort!

Где свобода, где равенство и где братство?
Вот смерть — о да, в ней никогда не бывает недостатка.
История снова обманула.
Мы мечтали о будущем...
В сущности, мы хотели не будущего,
а настоящего,
только перекроенного по мерке жан-жаков.

Так, не ведая, что творим,
мы откопали берлогу,
а оттуда вылезло Будущее
и навалилось на нас.

Однако это было необходимо.
А на необходимость и суда нет.
Раньше люди не знали этого,
и им жилось легче.
«Действительность разворачивается как необходимость», —
так (или примерно так)
прокукарекает впоследствии Энгельс,
взобравшись на плечи Гегеля.

Прощай, Британия,
пойду искать по свету,
где оскорблённому есть чувству уголок...
Куда ж нам плыть?..
...иль просвещение, иль тиран...

А впрочем,

от времени всё равно не убежишь.
Вернее, из времени.
Находишься в положении рыбки,
бьющейся в стёкла аквариума.
Что там, за стеклом?

Как же жить?
Точнее, как умирать?
Как умереть?..

* * *

Я говорю вам спасибо, Соломон и Иов,
я ставлю на полку «Дхаммападу»,
я запомнил речи распятого Иошуа.

Они научили меня чему могли.
Но большему меня научила одна умиравшая лошадь.

Лошади умирают молча,
они не кричат,
не жалуются,
они смотрят на вас своими большими,
вечно печальными глазами
старых крестьян,
ставшими ещё печальнее,
им жалко расставаться с вами,
но они знают — наступило то,
что они предчувствовали всегда,
и они встречают это непонятное
подобно побоям, голоду, издевательствам —
покорно и молчаливо,
они сделали что могли
и уходят.

И вот они ушли.

Весна

1

Определение понятия:

эта улица,
грязь под ногами,
голубой запах таяния,
все девушки в постоянной любовной боеготовности,
фартовые марьинорощинские воробьи, спешащие на дело,
все кошки (см. строку «Все девушки»),
солнце, лезущее в глаза вашему покорному слуге, —
это она, весна!

2

Характерные признаки:

лёгкость,
как будто грудная клетка —
надутый воздушный шар
и вот-вот отпустят верёвочку;
приятная слабость выписанного из больницы;
детское чувство невинности,
вернувшееся по чудесному велению календаря;
белые руки и лицо стыдятся —
теперь не спрячешься под куртку,
не скроешься в сером снегу;
лысина будет заметнее —
ну и чёрт с ней, пусть!
Весна!

Море

Вечером море укладывается спать.
Оно долго ворочается с боку на бок.
Я прихожу и сижу на берегу.

Мне не нравится море днём.
Днём море лицемерит,
оно притворяется морем курортных открыток и фотографий.
Море днём — Пансионатно-Курортное море,
портативное море Домов Отдыха,
море со всеми удобствами,
море пластиковых носов от загара и семечковой шелухи,
море чёрных очков и спортивных фигур,
комнатное море — солёный котёнок.

А вечером море отдыхает и укладывается спать.
Оно снимает помятый пиджачок массовика-затейника,
счищает грубый грим.
Оно становится настоящим Морем Только Моря.

Тогда я прихожу и сижу на берегу.
Я сижу и молчу.
И море молчит и ворочается, шумно вздыхая.
Оно сильно устаёт за день, и у него одышка.

Я сижу и думаю о море.
А море засыпает и думает обо мне.

* * *

Дни проходят так быстро.

Дни проходят так быстро,
забываемые в ящике стола,
выбрасываемые в мусоропровод,
затаптываемые на эскалаторах метро,
отрываемые полосками туалетной бумаги.

Дни проходят так быстро,
что между двумя перекурами
проходит почти неделя,
а человек, идущий по улице,
старееет прямо на глазах.

Дни проходят так быстро.

Поэтическое искусство

Просто рассказать о себе.
Рассказать о себе
так просто
и так негромко,
как говорят камни
и дышит дерево.

Ведь мы не слышим
и не видим
ни дерева,
ни воздуха,
ни камня.

Холодная весомость камня
и влажная податливость воды
в нас и вокруг нас.
И мы поэтому не ощущаем
их отделённости.
Они так близко к нам,
что их почти нельзя увидеть.
Их голос говорит,
но он почти не слышен;
он так негромок и неясен,
что яснее
всех голосов.
Кто большему нас может научить,
чем голоса воды, и дерева, и камня,
и собственного тела?

Необходимое незаменимо
и незаметно.

Пусть речь растёт,
как дерево цветёт.

Заводской район. Вечер

Это притаившийся город.
И здесь нет людей.
Только тупые углы
безглазых заводских корпусов и складов,
набитых потным железом.
И вой.
Только небо,
запачканное гарью и дёгтем,
как вылинявшая спецодежда.

Это притаившийся город.
И здесь нет людей!
Только запах железной дороги,
только жухлая трава по склонам,
только хребты мостов,
шуршащие асфальтом,
только огни на рельсах и столбах
и на колючей проволоке.
И запах дыма,
и вонь вони.

Это умирающий город.
И нет людей.

Только согнутые спины фонарных столбов
вдоль дороги —
только плакальщики с белыми лицами вдоль дороги.

И нет, нет людей!
И вой,
вой, словно крушат и крошат зуб.
И гул, и гуд машин и автобусов,
набитых людьми.

Это хриплый и сосланный город.
И гарь,
и вонь,
и вой машин обрушиваются на тебя.
И плакальщики с белыми лицами вдоль дороги.

Только на небе
дѣгтевые полосы,
словно вытирали о небо
грязные сапоги.

О, беги же отсюда!
О, беги же,
беги!

Осень. Девятнадцать лет

Под ногами —
жёлтые листья,
а в сердце —
просто пустота.
Когда же, когда же
я полюблю кого-то
и меня полюбят?

Опять весна

Это как в начале любви.

Весна.
Уже апрель.
Тепло.
Но ветки деревьев
ещё голые,
без листьев.

Каждый день смотришь,
каждый день ждёшь:
не появились ли,
не распустился ли уже на ветках
салатовый мотыльковый рой?

Каждый день ждёшь,
каждый день радуешься:
самое лучшее,
самое весеннее
ещё впереди.

Это как в начале любви.

* * *

В шестнадцать лет я думал:
меня не сломаешь!
Я не такой, как все!

Полежать бы,
раскинув руки, закрыв глаза,
на чистой белой постели
часа четыре.

Непонятно

Взял рюкзак и ушёл.
Ранним летним утром.
Холодок пробирается между пуговиц рубашки.
Трава в росе, кузнечики мокрые.
Все звуки спрятаны в тумане,
как мелочь в кошельке.
Просыпается небо, светлеет.
Всё хорошо.

Я не вернусь.
Пусть ищут, пусть удивляются.
Оставайтесь, как хотите, кто может.
А я не могу.

* * *

В те минуты,
когда жизнь ощущается
бессмысленной, как драка пьяных;
в те минуты,
когда хочется плакать по-детски,
сжав голову руками,
упав лицом
между стеной и подушкой;
в такие минуты
надо вспомнить и повторять:
«Жил на свете
Антон Павлович Чехов», —
и хочется жить,
и хочется сделать
что-нибудь хорошее.

* * *

Увидел пустую замшевую перчатку.
Это я сегодня:
импотенция.

* * *

Перемена.
Шум и крики детей за дверью.
Стою у грязного подоконника,
смотрю на школьный двор.
Двор, полный мусора и синевы.
Ещё десять минут.

* * *

В тёплый мартовский день
Небо трещит под ногой
И расхрустывается
На колкие льдинки;

В тёплый мартовский день
Пессимист любой
С удовольствием чистит ботинки;

В тёплый мартовский день
Люди и воробьи
Смакуют воздух
С привкусом горчицы;

А всё это значит, друзья мои, —
Пора чирикать, любить, носиться!

Сад

У забора одинокая цветущая вишня —
барышня из угасающего дворянского рода,
провинциальная барышня,
надевшая бабушкины кружева,
мечтающая у ограды
о своём Онегине.

Дождь

дождь нам дар
виноградник из капель и лета
виноградины падают в сердце
виноградная радость прохлады

пробираемся мы
сквозь леса виноградного звона
сквозь леса дождевых виноградин
в каждой óгнится косточка солнца

* * *

Весенний ливень разбудил деревья.
Листва, лицо и ливень — это дети,
Родством объединённые и дружбой,
И это было первым, что узнал я.
Когда же подчинилось исподволь
Всё дождевому запаху сирени,
Когда вдруг зонтиками парк расцвёл
И все вокруг как будто заиграли
В какую-то весёлую игру, —
Тогда открылось мне, что все мы юны,
По крайней мере в дождь, весной хотя бы,
И что всё это — счастье.

Сентябрь

Не понять это вдруг,
А ведь знаю — не снится.
Лета синий петух
Превратился в жар-птицу.

Листьев ломкую медь
Плавит солнце по кругу.
Горе ли — не иметь
Ни врага и ни друга?

Нет любви такой,
Променять чтобы можно
Этот рдяный покой,
Этих лип над рекой
Загрубевшую кожу.

* * *

Святость — это деревья
зимним вечером,
в свежем и нежном снегу,
во дворе.

Тянут к тёмному небу
стволы и тонкие чёрные руки
в белых фуфайках.

Вокруг:
носорожья серая шкура этажей,
мы в мешковатых пальто,
в дурацких ушанках,
с помятыми лицами.

Нам стыдно — мы так уродливы.
Но свет молчаливых деревьев
лечит и прощает нас.

Ранним утром

Воздух, ещё не разорванный
шипением шин, стуком каблуков.
Чирикает, хлопочет
невидимая птичья мелочь —
однообразно — радостно — одинаково,
словно заела пластинка.
Молодые деревья
ещё не проснулись — потягиваются.
Полчища травы
готовы к дневной агрессии,
к новым территориальным захватам.
А на балконе третьего этажа
курит папиросу
растрёпанная пожилая женщина
с оплывшим,
измятым,
стёртым годами лицом.

* * *

Давайте веселиться!
Здесь, сейчас!
А чего нам ждать?
Улетят эти дни — их за хвост не поймать,
И чего, в самом деле, томиться?

Есть мороженое на каждом углу,
И сиренью набиты опять
Все сады,
И есть солнце,
Расплескавшееся по крышам;
Эй, девушка!
Вы любите танцевать?
Так танцуйте!
Танцуй, золотая-рыжая!

А когда мы устанем,
Поймаем
Порезвее облака
И запряжём их
В трамвайные вагоны!
Ещё много журавлей в небе
И немало синиц в руках,
Ну а в воздухе —
Так и вовсе полно озона!

И давайте жить легко!
И легко забывать!
Пусть часы с минутами мыльнопузырятся!

Давайте
Веселиться!
Надоело ждать!
Хватит, надоело дожидаться!

* * *

Все мысли только о тебе.
Когда наступит
другая ночь?
Рука, бродящая по телу,
тёплый запах
твоих волос и кожи,
на спине
царапина между лопаток —
всё Бог.

Любовь

А ведь всего было много:
разговоры обо всём,
разные слова,
и обнимались немало,
и всякие сложности.
Ежедневные встречи.

Но не отпустит никогда
твой детский взгляд исподлобья
(на вокзале, вечером),
какая ты смешная в бигудях,
и дождь в парке — мокрые поцелуи
(это уже было в каком-то кино,
но мы ни во что не играли),
и как ты масло намазываешь на хлеб.
Вот и всё.

* * *

Железно-тревожные звуки,
Желанно-дорожный язык,
Разлука, Разлука, Разлука —
За стуком отстукивай стык!

Прощальные вытерты слёзы,
И гомон вокзала забыт,
В окне засветили берёзы,
Как белые вехи судьбы...

Голубь

Вот что ударило в меня, словно камень в грудь, словно огонь, полыхнувший в глаза, словно зеркало в толпе: маленький больной голубь у мусорной урны в сквере у кинотеатра «Форум».

Грязная охапка взъерошенных перьев, отброс.

Он был вдвое меньше обычного голубя — вытертый, с редкими перьями тёмно-грязного цвета. Он был похож на несчастного маленького ежа на птичьих лапках, только очень худого ежа.

Неподалёку сустились другие голуби. Бегали, переваливаясь на коротких ногах, как утки, клевали. Он не подходил к ним. Он был выброшен и понимал это. Поэтому он топтался в грудке апельсиновых корок и окурков, как прокажённый.

А в глазах у него не было ни жалобы, ни боли — только непонимание и какая-то страшная в своей наготе тоска.

Люди заходили в сквер, садились, курили, читали газеты.

Отвращение и жалость поднялись во мне, как вода поднимается по шлангу. Жалость, полная отвращения, и отвращение, полное жалости. Это было единое, знакомое мне уже ощущение, но в первый раз испытанное так остро.

Это моя тоска съёжилась там, среди огрызков и плевков!

Я встал и ушёл, потом вернулся.

Голубь всё так же топтался на прежнем месте.

* * *

Послушай, человек, послушай.
Я вдруг почувствовал,
что всё это нам снится.
Тяжёлый сон
без видимых кошмаров,
но пропитавший страхом и тоскою
пресную прозу площадей и улиц,
заводы, лица, книги и объяття,
меня, её, тебя.
И это въелось в лёгкие,
как угольная пыль,
естественно для нас, словно покрой одежды,
и невозможно усомниться,
что было, есть и будет только так.

И смотрит, смотрит
бледный Чаадаев
на тройку, вдаль летящую во сне...

Но, может быть,
внезапно
мы очнёмся,
вдохнём легко и вольно
чистый воздух
и удивимся, глядя друг на друга,
что мы могли годами и годами
так говорить,
так думать
и так жить.

Но может быть ужасным пробужденье...

Хоть может быть ужасным пробужденье —
о, пусть настанет!

Программа-максимум

Сказать слова

свои.

Пусть путь мой мимо ярмарок пройдёт.

Всегда деревьям радоваться встречным.

* * *

Сесть на подоконник, посмотреть во двор.
Серый грязный снег, рыхлый снег — март.
Пасмурно и влажно.
У всех сиротский вид — как из богадельни.
Пять замурзанных пацанок играют у подъезда в классики.
Направо — завод АЗЛК, и пахнет краской.

Такова жизнь.
Такова моя жизнь.
Можно выйти во двор — пожалуйста.
Можно остаться сидеть на подоконнике.
Можно выбрать.

Мне двадцать пять лет!
Зачем мне руки?!
Чтобы класть их на подоконник?
Я хочу!..

Не ори. Такова жизнь.

Заведи пластинку, включи телевизор.
Не ори.

* * *

Поговори со мной.
Я прошу — поговори со мной.
Я не знаю, кто ты,
но поговори со мной.

Листки пожелтевших писем,
камень из Крыма,
одно хорошее место в Подмосковье —
всё, что осталось?
Поговори со мной.

О, поговори со мной!
(Нету и подруги семиструнной.)
Я плачу, но мне не стыдно.
Поговори со мной.

Войлочные стены молчанья
оглушают меня.
О, тайная боль в каждом сердце,
потонувшем в страхе и молчанье!
О, рыбы,
бьющиеся лбами
в стёкла аквариумов!

Я прошу тебя — поговори со мной.

Мы — дети 68-го

1

Я вырос в питомнике страха,
Я выкован в кузнице лжи,
И что теперь охать и ахать —
Так выпала глупая жизнь.

Мы жили как мыши в подвале,
По крохам ворюя свой свет,
Покуда над нами орали,
Что го-о-рдо звучит человек.

2

На мякине нас не проведёшь.
Наши злые, тайные печали
Ясно нас и грубо обучали,
Научили разбирать, где ложь.

Не жалейте флагов! Площадям
Рты залейте лозунговым зельем!
Страх за этим траурным весельем.
Взгляд наш точен, зорок и упрям.

Осень

Ветер.

Скошенное поле — небритая щека земли.

Уже всё равно.

Серо-синяя ртуть пруда в блёклой желтизне.

Ветер.

Холодные капли за воротником.

И над прудом —

быстро бегущий

справа налево

занавес дождя.

А потом в лесу: прелые листья под ногами, дождь кончился, но всё холодно-мокрое; солнце светит. Листья фиолетовые, фиолетово-сиреневые! Солнечные капли падают мягко на фиолетово-сиреневые листья! А в глубине леса что-то ярко горит — светится горячим светом какая-то точка.

Восьмидесятые —
девяностые

В больнице

Ночь. Спит Москва.

Из окна палаты номер (номер не важен)
видна верхняя часть высотного здания на Яузе
(обычное «Стремление Ввысь»:
варварски-величественная,
тяжеловесно-хвастливая ступенчатость —
одна из вавилонских башен
раннего периода
Оптимистического Государства Масс).

В загаженной уборной
палаты, чей номер не важен,
упал человек.
Он упал с унитаза.
Из уборной он ползёт на четвереньках к своей
довольно неблизкой койке.
Ползти трудно:
левая нога почти не слушается
(и в уборную он добирался с трудом).
Он ползёт, сопя и потея
(а под локтями и коленями —
отнюдь не трава полевая с росой небесною,
а линялый больничный линолеум).
Ему шестьдесят три года. Он токарь.
Зовут его алексей федорович.
Он один из Многих.
На пенсии, но работает.
Но Производительность Труда
у него невысокая;

он мало что уже может дать
Народному Хозяйству Страны.

Смерть ползёт рядом с ним,
иногда поглядывая ему в лицо.

Ночь. Спит Москва.

* * *

Люди, поднимите головы!
Над нами — оказывается —
ещё есть небо!
Люди, поднимите головы!

Засыпаю один в пустой комнате

Будильник стрижёт, стрижёт —
выстригает время.
За открытой дверью на балкон
месяц на чёрном небе:

негритянский оскал ночи,
беззвучный усмех бездны.

А вдруг я никогда не проснусь?
А вдруг я не проснусь никогда?

Странно:
этот страх раньше меня не тревожил.

В зоопарке

Горбатую царскую плоть...
А. Тарковский

Бреду, бреду вдоль долгих клеток
в обычном —
привычном —
состоянии сиротства.
Вдруг —
чувство со-родства,
вернее — со-уродства:
верблюжья голова.

О, верблюжьи семитские лица!

Как галлу —
дерзкий и цветной петух,
как русскому — корова и медведь,

испанцу — конь,
а Индии — по праву — птица Феникс,
так нам, евреям, — верблюды.

Глядит, глядит
рассеянно и строго,
на всё посматривая сверху,
жуёт и перекатывает вечность
позеленевшими от вечности зубами...

Ресторанные эстрадные барабаны в обеденное время

комплексный обед в ресторане гостиницы «Минск»

Красные барабаны.
Красные, лакированные,
сверкающие стальными прутьями и винтами,
словно туалетные комнаты центральных гостиниц...

Неуместно-нарядные
в тускло-сером воздухе московского полдня —
так смотрелся бы
бульдоголицый лощёный Хилещенко
в цеху, больничной палате, в усталом автобусе...

Краснобокие пилюли забвения,
убогие в своей дешёвой праздничности...

Красные барабаны:
вечерами бьющие,
вечерам ткущие
радостный узор
для несчастных толп, для унылых лбов.

О, ночное время, время барабанов!

Ласковые линии.
И весьма солидны!
«Скорби утолим мы,
лишь глаза закрыли б!»

Барабаны красные,
красны ба-ба-ра-баны.
Громяхают трактором,
тащат на аркане.

Барабаны времени,
как счастливо-лживы
ваши лакированные
красные отливывы!

Барабаны, барабаны...
О, луны!
Жёстким светом тишины
вы обнажены,
резким светом тишины
разоблачены.

* * *

Я забытый колодец.
Только солнце, птицы и звёзды
глядятся в меня.
Ветер приносит тополиный пух,
желтеющие листья.

Тёмной башней
стынет во мне молчанье.

О, как бы я желал,
чтоб надо мной наклонились
весёлые юные лица!
Я дал бы их вёдрам лучистым
тяжёлой холодной воды.

Время

1

О чём мы все
так много говорим?
Ведь только крик и молчанье
ещё имеют значение.
Но и крик (даже вопль)
уже мало что значит.
Приходит время безмолвия.

2

Трепет, радость узнавания
мы забыли,
наступило обладанье, запах пыли,
запах пота и усталость от ярма...
Отмелькают свет и темень, дальше — тьма,
а за окнами назад относит рощи...
Помяни меня, зелёная трава!

Доля, воля, мир

Три колокола трёх дорог,
Три перехода пути,
Три самых русских слова:
Доля, воля, мир.

1

Доля — это серый день,
Стылый и унылый,
И на всём — сырая тень
Будущей могилы;
Доля — вечных будней сеть,
Доля — не хотеть, не сметь.
Мелочей позорный гнёт.
Доля мнёт и долу гнёт.
Кислый хлеб да толки баб,
По ночам — усталый храп.
Доля — это значит: раб.

2

Бросив долю, выйди в жизнь,
Во широко поле,
Горы, доли, небосвод —
Гулкое раздолье!
Воля — бешеная степь,
Соль кабацких песен,
Нож да ветер, сам простор
Люб, да сердцу тесен!

Долю волею поправ,
Вызнав нрав у диких трав,
Эй, гони, доколе
В жилах хватит воли!

И бежит, бежит земля
Мимо, мимо, мимо,
Только вихорь да пурга,
Вёсны, звёзды, зимы...

Ни кола и ни двора,
Ни подруга, ни сестра...
Весело — да больно.
Раб гордыни и греха,
Снова ты в чужих руках,
Ты невольник воли,
Воли раб — не боле.

Истомит тебя тоска,
Уязвит кручина,
И тебе предстанет свет
Выжженной пустыней.

И откроется тебе
Новое: пустынный.

3

А пустынный сквозь миры
С посохом проходит,
Мира ищет, правды свет
На него нисходит;

Ты вбери миры, пойми,
Если алчешь мира,
Тайны звёзд, работу рук,
Стон и песню лиры;
Выслушай рассказ цветка
И прошедшие века...
Ты в себе открой врата
В мировое лоно,
Ты в себя войди, как в храм
Общего закона,
И, пройдя через себя,
Выйдешь снова к миру,
В рой людской, в мирскую глубь
Человечьей шири;
На миру и смерть красна,
Жизнь ещё краснее:
Боль острее и беда
Яростней и злее,
Веселее час труда,
И любовь добрее,
И добро сильнее.

* * *

ты живёшь на улице свободы
каждое утро у метро
ты покупаешь правду
за пять копеек

рядом с проходной завода транспарант
ты глотаешь его
каждое утро

он говорит не о тебе
он говорит о героическом-рабочем-классе
колхозном-крестьянстве
трудовой-народной-интеллигенции
которые да здравствуют

он говорит не о тебе
но ты не замечаешь этого

эти слова очерчивают твою жизнь
они её огораживают
ограждают
и правда для тебя
пятыкопеечный лист бумаги
ты покупаешь его у метро каждое утро
на улице свободы

Москва

1

Хоть слезлива — не веришь слезам,
Долу гнула ты вольные выи
И рабов прибирала к рабам,
А рабами грозила врагам —
Как тавро ты на теле России.

2

Ты загнала себя за Можай
И торчишь из земли блочной тарой,
Где в подъездах разносится лай
Молодых дикарей под гитару.

Перерезав, как пряник, Арбат,
Никаким размахалась проспектом,
И мордовки с мешками спешат,
Ошалев от проспектного спектра.

Мнится, помнишь себя ты едва,
Ты себя уж не вдруг вспоминаешь;
Гул да гам — нелегко головам
Твоих Радостей, что не чаешь...

Простовата ты, тётка Москва,
Простовата — однако не дура!
И, как баба, всегда ты права,
Хоть податлива бабья натура:

Ты согнёшься — а выстоишь всё ж,
Как матрёшка, пестра и столица,
То Ивановской горкой встаёшь,
То Ордынкой соврёшь небылицу;

Русь в согласии с фрязином тут,
С Иудеей сошлись басурмане:
Храм в высоком персидском тюрбане,
По-славянски Давида поют...

Но и в песнях недавних твоих
На помин ты легка с чудесами —
Семь высоток кичливо-блажных
Смотрят явными москвичами;

Да и в том, что крушишь не скорбя, —
Даже в этом твой норов московский!
Потому и свои для тебя
Чаадаев и Маяковский.

Ты блаженна: мудра и сильна
Чем-то высшим и лучшим, чем разум,
И не старит — идёт седина
Твоим хлопотам, да и проказам.

Петербург

Чёткий город над грозной холодной водой,
Над парадной и славной Невой;
Медный всадник, горит дирижёрский твой взгляд —
Петербург, блудный сын, Петроград!

Департамент и море, корабль и расчёт —
Как Нева, твоё время течёт;
Чародей и маньяк с деловитой душой,
Русский город, немецкий покррой.

Ах, железо и камень, ах, кровь и тоска —
Да, сурова Петрова рука!
И идут, и идут в штыковую ветра —
И для пули приходит пора.

По-солдатски отчётлив о братстве декрет —
Для тебя невозможного нет.
Ильичёвых велений узда и набат —
Да, по праву твои, Ленинград!

За лицом твоим каменным прячешь ты плач,
Свергший сам себя царь и палач!
Как в чахотке, красив твой надменный фасад,
Строгий бред бесконечных оград.

Город, гордый и в горе блокадовых мук,
Быть сильней — не дано никому.

.....
Нищий лев, падший демон, герой и солдат,
Муж и мученик — Ленинград.

Первая любовь

Я гадал по трамваям,
Дома ты или нет,
И, себя презирая,
Верил в бредни примет.

У двери конопатой
Сердце ухало так,
Как стучит у солдата
В минных
Полях.

Ты из стен выходила,
Мир сужался в лицо...

* * *

Россия-мать, ты меня не запомнишь,
мой тёмный голос умрёт в немых просторах,
глухо изнывающих под тяжестью безмерной пустоты,
ветром и волком воющих над крышами остывших деревень.

Погашены огни, Россия, в твоих деревнях,
погашены твои огни!

Россия-мать, я с детства живу чужим
среди беспечных кровных сыновей,
под бабьим взглядом твоих глаз.

Так смотрят матери твои, Россия, вдовы, старухи,
сидящие в мешках и чемоданах на переполненных вокзалах,
так смотрят
в густых очередях,
в вечерних электричках,
так смотрят
сидящие на лавках у подъездов...

Эти глаза не верят ничему,
кроме широкого пасмурного неба,
извечной череды приготовления пицци и похорон,
убогой матерщины в праздник
да злой дороги, по которой
уходят навсегда мужские спины —
на Калку, Куликово, на Каялу...

В твоих глазах я вижу
слезящуюся безразличную тоску
и сон, подобный смерти,
которым спят, не просыпаясь.

Я хочу крикнуть:

«Мне наплевать

На твоё бессилие и твой разгул,

мне жаль только погибших!» —

и не могу сказать:

ты в плоть впилась и в кровь влилась мою,

навек я прикован к равнинным бесконечным снам —

ведь я хоть пасынок, но твой, Россия,

и говорю с тобой на русском языке.

Россия-мать, ты меня не услышишь;

камнем мне кануть на дно твоё,

иглой пропасть в грязи перепутий,

умереть, махнув на всё рукой,

под шум и плеск ненастья

на мокром полустанке...

* * *

Всё тонет: жёны, дети и легенды,
Прилижут и похерят документы,
Забудутся и лай, и комплименты,
В музеях пошлость утвердит свой суд,
А памятники голуби засрут, —

И только слово бьётся, только слово
Сверкать, ласкать и врачевать готово,
Петь, согревать и убивать готово —
Да, слово остаётся, только слово!

* * *

Отнялась способность плакать
(Да и хохотать).
Как-то нас на это дело
Стало не хватать.

Потому, когда и видишь,
Кажется старо,
Как ревьёт, размазав краску,
Женщина в метро;

Книжки нам читать мешает,
Портит отдых наш...
В общем, явно нарушает
Городской пейзаж.

* * *

Текстильщики.
Осень, неприглядная, как баба,
переставшая за собой следить.

Текстильщики.
Серые, в прямом и переносном, дома,
возведённые при Иосифе Ужасном
(триумфальные арки и массивные балконы,
стены из картона),
плотно набитые теми,
кого называют лимитой.

В этой осени, в этих домах я живу.

Но вот чудо:
вдруг
в занюханной местной библиотеке
книга Пруста...

О простоте, густоте и сложности

...Ведь на самом деле Пруст прост,
Хоть и густ, как жирный плов, Пруст.
Но хотя он, словно плов, густ,
Как рентгена ясный свет, прост.

* * *

...И пусть никто никогда не узнает,
как тебя город спасает от доли ничтожной,
как в анонимности вечера топишь себя ты,
тенью скользя по сиреневым гулким кварталам...

И пусть никто никогда не узнает,
как обнимает Москва тебя ласковой пухлой рукою,
как, приручённые будто, выходят навстречу
старый фасад деликатной походкой слоновьей,
церковь в резном оперенье...

И вот заплетают свой танец
стебли оград и чугунная поросль порталов,
скачут грифоны, волют выплывают моллюски...

И пусть никто никогда не узнает,
как ты домой возвращаешься, в памяти пряча —
точно рубины на чётках души сберегая —
нежную Троицу в Лыкове;
провинциальный Молочный;
липы искривленный ствол,
о трагедии больше, чем Данте,
знающий...

* * *

В пристанционном сквере
меж чёрными, закаменевшими от холода деревьями
белыми дебелыми пластами
снег лежит.

Он спокоен,
медлителен,
холоден,
плавен (он всё обтекает округло),
жесток.

Он жесток чистотой святости.
Ему не жалко несчастных, дрожащих на морозе деревьев.

Он белый-белый,
белый не как белый цвет —
белый цвет бел этой снежностью.

Но, приглядевшись, увидишь:
в нём (даже днём) прячутся розовость и голубизна.
Розоватая голубизна,
голубино-сизая розовость.

И у всех на лицах отсветы от него.

Сравнить его можно со многим,
но чувствую, что лучше
не сравнивать его ни с чем.

* * *

Е. Осиповой (Ильиной)

Нёс ведро с водою из колодца
Бережно сначала.
Словно масло, мартовское солнце
Булькало в ведре, ныряло.
Засмотрелся — зацепило веткой,
Вместе с солнцем в снег ушла вода...
Так любовь прошла и не вернётся
Никогда.

Только в сердце зацемят о солнце,
О пролитом солнце
Иногда.

Мысль о юге в пасмурный день

Нарубленный крупными кубиками рафинада
крикливый город у моря.

Голос

Пусть печаль моя стонет навзрыд,
Пусть по мокрым бульварам несётся
И в пустынное небо вопит:
Взят землёю Владимир Высоцкий.

Из подвалов, углов, чердаков,
Где отпетое детство ждало нас,
Из несладких от многих трудов,
От войны и неправды годов
Прорастал этот яростный голос.

Обжигает, как водка, тоска,
Душу удаль томит и презренье —
Вот что билось в упрямых висках,
Что кричало в поганных тисках —
За молчащее поколение!

Гамлет шёл, словно в драку пацан,
На безглазые вязкие стены;
Не уехать ему в Магадан,
А вонзять ему в липкий туман
Голос-нож: «О, позор и подмена!»

.....

Утихает в Грузинах молва,
На Каретном мертво и уныло...
Онемев, ты застыла, Москва,
Как вдова, у недавней могилы.

Морозно, около минус тридцати

Выходишь.

Невысокие кусты на бульваре —
колючая проволока в сахаре.

Под ногами — скрип... скрип... — плотно и приятно.

Так похрустывает кожа бумажников важных.

Мороз — солиден.

Лицо вначале радуется: «А я не мёрзну!» —
исподволь деревенеет и просится в тепло.

Пора под землю,
в мраморный рай,

в неживой резиновый воздух метро.

Февраль

К Цветному падают
Кривые переулки,
А в небо серое
Втыкаются кресты;
Ты слышишь, друг,
Москвы качели гулки:
Пускай качают нас
До стыллой темноты.

Вонзиться снова в жизнь
Решают наши зубы:
Ведь тянет в воздухе —
Как ранний огурец;
Пришёл денёк —
Нам тяжко в грузных шубах,
В ботинках хлюпает
Сегодня наконец!

Пускай подсинены
Безвитамином лица —
И в небе хмуристом
Сквозит голубизна;
В сыром снегу
Замачивай столицу,
Купай, проветривай,
Отстирывай, весна!

К Цветному падают
Кривые переулки,
А в небо серое
Втыкаются кресты;
Ты слышишь, друг,
Москвы качели гулки,
Пусть качают нас
До стылой темноты...

* * *

Что осталось от месяца?
Проездной билет на метро.
Удостоен прах его
монументальной урны
(с буквой «М» — метрополитен? мусор? месяц март?)
на станции «Таганская».

А от всех месяцев?
Проездной билет на жизнь —
как будет с ним?

* * *

Выпускницей снова черешня,
Белый фартук надевши в мае...
Сердцу надобна только песня —
Пусть цветёт, ни о чём не зная.

Зацветайте, мои деревья!
Нам же — маслом под солнцем таять.
Сердцу надобна только песня
Да буддийская правда прямая.

В духе «Песни песней»

Груди твои — ласковые белые тюлени;
ягодицы твои — ягоды крутые и упругие,
круглящиеся на рассвете,
словно золотистые пушистые дыни!

Ты идёшь,
и на тоненьких узких копытцах
плавно колышется
твоё зовущее тело.

Ты — годная к оснастке лодка,
ожидающая мачты под парусом,
чтобы унести
в горячее простынное море,
в потную тьму
простынной пустыни.

* * *

Если верить во что — то в деревья и камни,
Если что-то любить — то армянскую глушь,
Там Гегард мою душу пронзит и явит небеса мне,
В гулкой мгле Мармаршена расправится грудь.

Краски чётки и скупы, а бедность достойна,
Эту мощь не согнуть, эта скорбь велика,
Иудея, Ашшур и Урарту сплели свои корни,
Чтоб армянское древо взросло сквозь века.

За окном — ноябрьский вечер

Мельканье, шорох уличных теней
И полутьмы неровное мерцанье —
И голос одиночества ясней,
Растёт тоска, которой нет названья;
В томленье о себе и о земле
Дух обретает тёмный свет печали,
Покуда тени движутся в стекле
И пропадают, будто не бывали;
А электрический дрожащий свет —
Словно свеча в рембрандтовой картине,
И площадь — словно притча, как завет
О том, что всё — лишь кажется и сгинет...

* * *

Эти лица как лопата,
Эти зенки как слюда,
Эти грязные закаты
И убитая вода,

И постылы, как больница,
Мата гнусные слова —
Это всё, увы, не снится,
В этом жизнь бежит и длится,
Гибнут птицы и трава...

* * *

шлемовидные купола как паруса
летающие ввысь по голубому небесному морю

купола паруса
наполненные ветром уст Божьих

Духом Святым надуты
звонкое полотно куполов

и храм в самом деле корабль
корабль-носитель
с вертикальным взлётом
(«Бураны» и «Шаттлы» в сравнении с ним ископаемые)
возносящий
влекущий
тяжелогружённую Землю
в поисках утраченной вечности
по направлению к Богу

В НОВОМ ВЕКЕ

* * *

Я вышел к дому, где я рос когда-то,
По адресу томительной печали
Вернулся, и она меня узнала,
А ведь давно мы не встречались с нею.
И мне теперь уж странно было думать,
Что вот он — дом, где мы росли когда-то —
Валерик, Игорь, Витька, я, Сергей.

Хотя сам дом остался, в общем, тем же,
Но постарел. Кирпичную громаду
Увидел я потёртой и убогой
В соседстве с бодро-блочную семьёй
Прошедшего здесь нового проспекта.
Однако дом отождествить могла —
Не без усилий — память с Нашим Домом.
А двор! Наш двор! Он так невероятно
Усох и съёжился, что трудно было верить
Мне в это — и нельзя не верить:
Ведь я тут рос, ведь я тут рос когда-то.
Неужто этот пыльный пяточок,
Асфальтовую плешь могли считать мы
Футбольшим полем, перевоплощаясь
В Эйсебио, Стрельцова, Бобби Мура?
Вот эта клумба помнится мне пышной,
Как целый холм цветов, а здесь на лавках
Творился мир коварства и любви,
Соперничества, дружбы и познания...
Деревья лишь, одни только деревья
Мощнее стали, выше, молчаливей
(Хотя кусты уменьшились, как всё).

Но что же дальше? Дальше будет так:
Сожмётся двор совсем, до малой точки,
Дом окнами, подъездами вырастёт
В глухой асфальт и, грузные балконы
Обламывая, с грохотом и гулом
Утянется, словно вода в воронку,
В сырую землю... Тополя и липы
Закроют небо кронами своими,
Тяжёлыми, густыми, как стога,
В их плотных листьях облака застрянут,
И прорастут бесстрастные их корни
Сквозь дом и двор, живущих и умерших.

Случится так, но я ещё не умер,
Ещё мне снится сон об этом доме,
Возможно мне ещё себя увидеть
У стен его, как были — светло-серых,
И вот квартиры, голоса и лица,
Чердак, ступени, медленные лифты
Зовут меня и требуют сказать,
Что я тут рос, что тут я рос когда-то.

* * *

Всё распадается,
разлагается,
гибнет,
гниёт,
идёт к чёрту.

Это утверждение стало банальностью.
Все это знают,
никто не обращает на это внимания.
Мы произносим эти слова,
словно «здравствуйте», «приятного аппетита».

А как надо обращать внимание?
И куда его обращать?
Никто не знает, что дальше.
Ко всему привыкаешь,
да и поделом нам всем.

Жалко лишь такую малость — детей.
Детей,
маленьких,
капризничающих,
в зелёнке,
писающих в колготки,
размазывающих кашу по столу...

Пошехонье

Неприкаянный, вымокший лес,
Где осины бессильно поникли,
Чаша полая серых небес,
Под которой от солнца отвыкли,

Снег, летящий на рыжую грязь,
На безлюдную в кочках низину —
Это всё бы забыть и проклясть,
Оторвать, как отсечь пуповину...

Так откуда ж ко мне, не пойму,
В сердце горькая сходит отрада?
Может быть, хоть и странно уму,
Только этого сердцу и надо —

Чтобы в серой озябшей дали,
Сладко рая забытую душу,
Путь от Талдома до Нерли
Рассказал бы — умеи только слушать:

Ахтимнеево (пот да сума),
За Квашенками вправо — Спас-Угол,
И метелью сырою впотьмах
Запоёт, зарыдает округа...

О человеке

1

Замочная скважина —
с двух сторон
прильнула к ней
любопытная Вселенная;

смерть, ожившая,
чтобы до себя дотронуться
и отдёргнуть руку в испуге;

ходячее доказательство бытия Божьего,
одновременно
в муках и гибели
с равным успехом
свидетельствующее об обратном.

2. О болезни отца

Не говорите мне о Боге.
Больше не говорите мне о Боге.
Одержимые молитвенным зудом!
Спешите в кожные клиники!
В качестве лечения
(весьма эффективного) —
несколько дней в одной палате
с больным вульгарной пузырчаткой
(pemphigus vulgaris)
в тяжёлой форме.

болезнь сдирает с меня кожу
обнажается кровосочащее мясо
прилипает к нему и засыхает ткань рубахи
вы не смеете не видеть не смеете отвернуться
в мясо видите в мя-со впивается ткань
отдирают медсёстры рубаху с обрывками кожи
чтобы вымазать тело бесполезной мазью
а смерть всё кружит вокруг и кружит
что мне делать НУ ЧТО МНЕ ДЕЛАТЬ?
без конца продолжается эта пытка
и во рту саднят днём и ночью
вы не смеете не слышать вы не смеете не знать
и во рту саднят днём и ночью
обнажённые язвы обнажённые язвы
есть не могу только пить
окровавленным горлом

мир сужается до размеров боли
вырастает боль до размеров мира
расползается расползается сухая неживая кожа
не могу сидеть на окровавленных ягодицах
не могу лежать на спине
добела раскалённой
а когда встаю голова кружится
от кружения смерти
кружения смерти
вкруг немытого оранжевого от мази тела
вкруг сухого скелета
в мешке из дырявой кожи
с ними я связан теперь только болью
жить уже не придётся а смерть не приходит
смерть не приходит всё кружит и кружит
и болезнь сдирает с меня кожу

О, Боже, БОЖЕ!
сыну Твоему
(сын человеческий, жертвенный ягнёнок)
пробили руки ржавыми гвоздями,
но даже это искупить не может
Твоей вины.

Когда моя мама заболела

Когда моя мама заболела в феврале 2007 года, правая рука стала плохо ей повиноваться. И она писала, проверяя свою руку. Мама умерла 28 июня 2007 года. Её слова уже почти стёрлись на бумаге.

Доверенность
Я не могу пис <неразборчиво>
Я не могу писать
что случилось, что
я так заболела
у меня не пишет
рука, уже втор
день, как у меня не
пишет рука
2ой день, как перестала
писать рука
Я сильно заболела
2ой день как не пишет
рука
Господи помоги!
Господи помоги мне!
Не оставь меня!
Пожалей меня!
Спасибо тебе!
Не оставляй меня!
Господи помоги мне!
Не оставляй меня!
Благодарю тебя!

Я совсем больна
Мне пока не лучше
Мне пока не лучше
Что делать?
Господи помоги мне

Господи помоги мне
Не забывай меня
Помоги мне
Только на тебя вся надежда
Спасибо тебе!
Не оставляй меня!
Бог, прошу тебя не забывай меня!
Помоги мне
поправиться
Всё случилось в один день
Я заболела в один день
Помоги мне поправиться
Пока мне с рукой не лучше
Я не умею писать
левой рукой
Это очень плохо
— Это очень плохо
<неразборчиво>
Что будет со мной?

Любовь и Вера

Моей жене

Они из разных всё ж сословий
И ныне в ясном дележе:
Любовь, как встарь, в трудах по брови,
А верить — но во что уже?

Любовь не принуждает к Вере,
Но Вера требует любви.
По вере Вера и отмерит.
Любовь зовёт: «Возьми! Сорви!»

Любовь любой бумаге рада,
А Вере — глянec да верже.
Любовь всегда с тобою рядом,
А Вера — в верхнем этаже.

Отрывок

...я жил в те времена,
Когда о тишине забыли люди.
Поймите правильно: хочу сказать,
Что тишина оставила людей
И стала им чужда и непонятна.
К невыразительному слову «смерть»
Привыкли все, как к бытовым удобствам,
И ели, пили и совокуплялись
Под взглядами негаснущих экранов,
Где костяки расстрелянных домов,
Тела замученных, ракет акульки стаи
Мелькали в бесконечности дурной.

Я жил в те времена,
Когда дешёвой красотой сверкали,
Подобно ярким ресторанным шлюхам,
Огромные глухие города,
Как язвы расползаясь по планете,
По телу запаршивевшей земли.
В них не было ни радуги, ни звёзд,
Ни летних трав, ни снегирей зимою,
Ни ласковых медлительных закатов —
Ни дня, ни ночи не было уже.
Где в этих толпах спрятаться луне?
Что делать тут поэту и оленю?
И умирали бабочки и храмы,
Сады, пророки, реки и дворцы...

Припев

Не в этом городе живу я,
Хотя в толпе его брожу,
Не в этом городе живу я,
В подземных пропастях спеша,
Не в этом городе живу я —
Хотя я в нём и квартирую.

Сюда я сослан от рожденья
В пожизненную, видно, ссылку,
Но повторять я не устану,
Что я не здесь живу, не здесь...

Овидий

Забыв свои язык и имя,
В стране у скифов я живу.
Из птиц здесь водятся вороны
И всем командует зима.
Народ смекалист и несносен,
А власть слаба или ужасна.
Здесь не кончаются дороги
И смотрят юртами дома.

Невольно к скифам привязавшись,
По их кочевьям я брожу.
Зачем-то я тут всё же нужен,
Хоть и не годен никуда.
Ото всего вокруг исходит
Всегдашний запах неудачи,
А из небес сочится время
И исчезает без следа.

* * *

— После всего, что мы пережили,
как можем мы верить в Бога?
— После всего, что мы пережили,
Как мы можем не верить в Бога?

Так скользит по кругу словесная карусель,
кружит, скользя и скрипя,
в бесконечном молчании мировой пустоты;
немолитвенная мельница,
столь же бессмысленная,
как молитвенная.

Карусель скрипящих слов
в великой Пустоте,
до отказа заставленной предметами живыми и неживыми,
непроницаемо невыразимыми,
невыразимо непроницаемыми,
где Бог появляется внезапно,
словно солнечный зайчик на ковре,
подобно трещине в стене.

* * *

Труслив, двуличен и ничтожен,
Я полон праха — не огня.
Суди, но помоги мне, Боже!
Карай, но не отринь меня!

Поэт

Один, в свой плед юродиво
Спелёнутый, худой,
Тщедушный мальчик вроде бы,
Но траченный, седой,

Лохмат, смешон прохожему,
На пыльной мостовой.
И мнилось, ненадёжен он
И телом и душой.

Любимым всем терзания
Даривший; патриот,
Кому была Германия
Знакомей, чем народ

Родной земли нерадостной;
Умно- и краснослов,
Но эхом речи сладостной —
Лишь горсть печатных слов.

Цензура и апатия,
Тоска, von mots, Катков,
Славяне, дипломатия
И канцлер Горчаков.

Но в жизни есть мгновения —
Их трудно передать!
И этот сор и тление
Умел он покидать

Со всей земной дотошностью
Внизу, на мостовой,
Свободы непреложностью
Влекомый лишь одной,

Одним лишь духа пением
В такой простор и свет...
Где весь он — озарение,
А остального нет.

* * *

Я с детства знал, что жизнь непостижима,
Что я один, всё пролетает мимо,
Что пироги пекут не для меня —
Но чище быть гонимым, чем хвалимым.

* * *

Молчи, скрывайся и таи,
Не верь, не бойся, не проси
И не теряй отчаянья.

Деревьям можно доверять,
На небо нечего пенять.
И не кляни, отчаливая.

* * *

Нет ни любовницы, ни друга,
Но есть жена и дочь.
Но толковать об этом туго,
Нас разделяет ночь;

Я встану в шесть и выйду в восемь,
Квартира спит.
На улице темнеет осень,
Листва опавшая шуршит.

Пойдут знакомые деревья
К метро со мной.
Мне стало бы теплей, поверь я
В их свет простой.

Чужды людскому словоблудью,
У них иная статья.
Так, руку положив на грудь мне,
Молчала мать.

* * *

Пыль пахнет солнечным лучом.

Анна Ахматова

Солнечный луч пахнет пылью,
женские формы
нарочиты и смехотворны
(о мужских и не говорю);
правители —
не скажу отвратительны,
но жалки в своих побрякушках и пиджаках,
да и несчастны;
на знамени толпы написано:
«Ненависть и зависть» —
и что за радость властвовать над нею?

Короче: плюнем на всю эту лажу;
короче: пошлём всё это подальше —
и пойдём домой,
к себе.

Краткий курс

На площадях ревут уроды,
Друг друга режут все народы;

А банкирьё и президенты
Проценты множат на проценты;

По храмам всем мычат: «Осанна» —
Им всё равно, была бы манна;

А дети в это всё влипают,
Не зная, что их ожидает.

Этапы большого пути

Неча на зеркало пенять...

(Не кривя и не пороча:
Облик не противней прочих-с.
И не ради для конфуза
Строчки настрогала Муза.)

недокапитализм со вполне самобытным *вырождением*
(см. А. Блок, «Скифы»)
капитализм с получеловеческим лицом
военный коммунизм с матросской харей
соцкап-кап с нэпманской ряшкой
псевдосоциализм со звериным ликом
псевдосоциализм с лицом
любившим побегать наперегонки и постучать ботинком
псевдосоциализм без лица
недокапитализм с бандитской мордой
псевдокапитализм с неброской служебной внешностью
?

* * *

Полюбили крысы Вагнера
И попёрли на Москву...

Мотив

На стене чернеет свастика,
Хоть корява, но смела.
И на свете нету ластика,
Чтоб стереть её дотла.

Нет ни Гитлера, ни Геринга,
Ни героев той войны.
А жида, кого похерили, —
Те народом прощены.

Ну а тем, кто цел по случаю,
Можно жить ещё пока.
Пацаны ещё поучатся,
Чтоб не дрогнула рука.

По какой такой лицензии
Нам бы выдали ума?..
Слева — будка полицейская,
Справа пахнет шаурма.

И душа моя, как пленница,
Через город мой идёт.
Жизнь бежит и ерепенится,
Мало помнит, много врёт.

Но напрасно, зиганутые,
Вам помстился сладкий дым:
Ни СС и ни Малютою
Мой народ не истребим.

Если что — то вспомни, Боже сил,
Ту Давидову прашу...
Сердцем знаю, знаю кожей —
Не забуду, не прощу.

Страшный сон о национальной идее

Всё вынашивала формулу Россия,
Наконец-то родила:
Наша правда — ненависть и сила,
Сталин, Русь и золотые купола.

Русь дистиллированная,
Церковь окольцованная
И мундирный Сосо —
Нашё палитическое всо!

И возрадовались бесы радостию великою
И рекли:
«Дадим им ещё больше нефти и газу!»

В нашей стране

1

В нашей стране
актёры спрашивают у убийц,
как им играть «Гамлета».
И убийцы отвечают,
что «Гамлета» играть не нужно и неправильно,
потому что это пьеса упадочническая.
(Убийц вообще раздражает отсутствие
здорового оптимизма у фраеров.)
Вот «Девушка и Смерть» — посильнее, чем «Фауст» Гёте,
а вы, с вашим хлюпиком Гамлетом,
что вы там вообще хотите вякнуть во МХАТе?

2

В нашей стране
опасно говорить о Чечне.
Само это высказывание опасно,
потому что опасно говорить,
что о Чечне опасно говорить.
О Чечне лучше ничего не говорить.
Это (пока) относительно безопасно.
Завтра, возможно, опасно будет молчать о Чечне.
Надо будет говорить.
Но что говорить, пока не ясно.
Нам объяснят.

Говорю я, короче...

1. Древняя Русь: Лесопотамия.
2. Идеи́ная амплитуда после Петра I: от Чаадаева до Чапаева.
3. Национальная идея для внутреннего и внешнего употребления: «Берегись!»
4. Революционная законность: наш расстрел везде поспел.
5. Жизнь в годы застоя: всё по-брежнему.
6. Лидер на покое: старый харизматик.
7. Подходящий титул для правителя в эпоху медиа-пропаганды: Верховный Лжец.
9. Хотят ли русские войны? — Тишина... Ждите ответа... ждите ответа...
9. Хотят ли русские войны? — До дверей военкомата или уже войдя?
10. Хотят ли русские войны? — Нет, только принуждения к миру.
11. Пока ещё терпимо. Вот когда они введут принудительное бессмертие, тогда всё.

Баден-Баден

Дождь за окном не знал, что он немецкий,
Но я-то знал.
Вдали виднелся замок детский,
Игрушечный, у тёмных скал
Лепившийся, и город Баден
Лежал внизу, опрятен и прохладен,
Весь в зелени, всегдашен, променаден,
И, словно нарисованный, молчал
Бесповоротно.

* * *

Михаил Леонович Гаспаров.
Михаил Леонович Гаспаров
умер.

Прошёл один по последней тяжёлой дороге,
в никуда.

Записи, выписки, скобки, кавычки —
осиротели вы ныне,
ушёл ваш садовник прилежный.

Сказано было о нём:
он был камертоном*.

Умер, ушёл камертон, комментатор и ментор.

Больше нам не услышать,
как выковывается в заиканьях
точное слово —
и предстаёт перед нами
ясною сталью.

Больше нам не услышать
его молчанья.

Умер, затих камертон,
и умолкло молчанье,
и зияет пустая дыра
вместо слова и вместо молчанья.

* Слова Петра Вайля.

Всё, ничего не поправишь,
до никакого свиданья.

Жалкие вирши бросая в слепую догонку,
верить ли в глупую вечность — путёвку в загробные кущи,
в дом престарелых в поместьях Бога?

Мы ничего не знаем.
Мы можем только говорить,
и качать головой,
и сожалеть,
сознавая при этом,
что живущим быть лучше, чем мёртвым,
пусть и львиной породы.

Пройдена высокая дорога.
Плоть устала,
плоть остыла.
Но немолчной речи над могилой
тёмный дуб трепещет и шумит.

Гоголевский сюжет

О. Ю.

Автор: Гоголь
Го-го-ль

Что за птица этот Гоголь!
Кто тебя выдумал?

Герой: Чичиков
Чи-чи-ков

Чичиков — Птичиков
Чичигоголь
Чикчирикчиков

Катит Чичиков
в своей брич(и)ке
Чичиков — Бричиков

Птица-тройка: Гоголь, Чичиков и бричка
Бричка и две птички

И несётся тройка неведомо куда
Скучно на этом свете, господа!

Формула буддизма

Жить жизнесмертью до конца жизни, желать
снова жить смертежизнью до конца смерти, и опять
жить и умирать, жить и умирать, жить и умирать без счёта,
жить, и жить, и жить и...

Нужно выйти
из круговорота;
ничего не искать, никого не звать —
уйти, как уходит гость за ворота:
не в бессмертие,
а в несмертие.

* * *

Все эти поэты, мать их ядрит!

Аноним

Блок ледовит.
Кузмин ядовит.
Есенин хамовит.
Гумилёв ницшевит.

Хлебников начудит.
Клюев наворожит.
Обериут набредит
И Пастернак намудрит.

Ходасевич всех переязвит.
Маяковский всех перекричит.
Цветаева голосит и голосит.
А Ахматова императрит.

Блок убит,
И Гумилёв убит.
Клюев убит,
И Мандельштам убит.
Есенин висит,
И Цветаева висит.
А Ахматову окаменит.

Прошло их время. Вся братия в небе парит.
Кто бы мог подумать — в ангелах состоит.
И имеет век без них бледный вид.
Хоть и пыжится век — гниловит, нагловит.

А над нами звезда со звездой говорит.
Ты к ним обратись — и тебе пофартит:
Борис исцелит,
И Анна простит,
Осип-заступник о тебе не смолчит,
А щедрая Марина всё раздарит...

Весной в стороне от дороги

Шелест травы под ногами.
В золоте поле молчит.
Небо стоит с облаками.
Леса робеющий вид.

Жёлтой присыпаны пылью,
Дышат земля и трава.
Здесь всё сказали бы крылья
И почти что кощунство — слова.

Нежные листья берёзы —
Разве осмелюсь про них?
Да, здесь рифмуются слёзы,
А не емелин язык.

Это так просто обидеть —
Склянкой, стихом, кирпичом.
Это легко не увидеть,
Но не отнять нипочём —
Цветиков жёлтых обитель,
Бога за правым плечом.

Содержание

Шестидесятые — семидесятые

Лицо	5
Байрон	6
«Я говорю вам спасибо, Соломон и Иов...»	8
Весна	9
Море	10
«Дни проходят так быстро...»	11
Поэтическое искусство	12
Заводской район. Вечер	14
Осень. Девятнадцать лет	16
Опять весна	17
«В шестнадцать лет я думал...»	18
Непонятно	19
«В те минуты...»	20
«Увидел пустую замшевую перчатку...»	21
«Перемена...»	22
«В тёплый мартовский день...»	23
Сад	24
Дождь	25
«Весенний ливень разбудил деревья...»	26
Сентябрь	27
«Святость — это деревья...»	28
Ранним утром	29
«Давайте веселиться!...»	30
«Все мысли только о тебе...»	32
Любовь	33
«Железно-тревожные звуки...»	34
Голубь	35
«Послушай, человек, послушай...»	36
Программа-максимум	38
«Сесть на подоконник, посмотреть во двор...»	39
«Поговори со мной...»	40
Мы — дети 68-го	41
Осень	42

Восьмидесятые —девяностые

В больнице	45
«Люди, поднимите головы!..»	47
Засыпаю один в пустой комнате	48
В зоопарке	49
Ресторанные эстрадные барабаны в обеденное время	50
«Я забытый колодец...»	52
Время	53
Доля, воля, мир	54
«ты живёшь на улице свободы...»	57
Москва	58
Петербург	60
Первая любовь	61
«Россия-мать, ты меня не запомнишь...»	62
«Всё тонет: жёны, дети и легенды...»	64
«Отнялась способность плакать...»	65
«Текстильщики...»	66
О простоте, густоте и сложности	67
«...И пусть никто никогда не узнает...»	68
«В пристанционном сквере...»	69
«Нёс ведро с водою из колодца...»	70
Мысль о юге в пасмурный день	71
Голос	72
Морозно, около минус тридцати	73
Февраль	74
«Что осталось от месяца?...»	76
«Выпускницей снова черешня...»	77
В духе «Песни песней»	78
«Если верить во что — то в деревья и камни...»	79
За окном — ноябрьский вечер	80
«Эти лица как лопата...»	81
«шлемовидные купола как паруса...»	82

В новом веке

«Я вышел к дому, где я рос когда-то...»	85
«Всё распадается...»	87
Пошехонье	88

О человеке	89
Когда моя мама заболела	92
Любовь и Вера	94
Отрывок	95
Припев	96
Овидий	97
«После всего, что мы пережили...»	98
«Труслив, двуличен и ничтожен...»	99
Поэт	100
«Я с детства знал, что жизнь непостижима...»	102
«Молчи, скрывайся и тай...»	103
«Нет ни любовницы, ни друга...»	104
Солнечный луч пахнет пылью...»	105
Краткий курс	106
Этапы большого пути	107
«На стене чернеет свастика...»	108
Страшный сон о национальной идее	110
В нашей стране	111
Говорю я, короче...	112
Баден-Баден	113
«Михаил Леонович Гаспаров...»	114
Гоголевский сюжет	116
Формула буддизма	117
«Блок ледовит...»	118
Весной в стороне от дороги	120

Леонид Видгоф. Ахтимнеево и окрестности

редактор:
А. Переверзин

корректор, технический редактор:
О. Тузова

издательство «Воймега»
voymega@yandex.ru
alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 15.06.2016
Формат издания 60x90/16. Усл. печ. л. 7,75
Тираж 500 экз.

Леонид Видгоф родился в 1952 году в Москве. Окончил филологический факультет МГПИ им. В. И. Ленина. Работал учителем русского языка и литературы, профессиональный экскурсовод. Главные направления научного интереса – жизнь и творчество Осипа Мандельштама, москвоведение. Автор книг «Москва Мандельштама» (2010), «Но люблю мою курву-Москву». Осип Мандельштам: поэт и город» (2012), «Статьи о Мандельштаме» (2015) и других. Один из авторов новой «Летописи жизни и творчества О. Э. Мандельштама» (2014). Член совета Мандельштамовского общества. Стихи публиковались в журналах «Знамя» и «Гвидеон». «Ахтимнеево и окрестности» — первая книга стихов автора.